

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ЭПИТАЛАМЫ» Э. СПЕНСЕРА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДАХ ПОЭМЫ НА РУССКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ

© 2017 г. И.И. Булова, Ц. Чжан

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 16 ноября 2016 г.

Дата публикации: 25 июня 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-22-39

Аннотация: Современное представление о стиле как наборе правил, используемом при создании литературного произведения (В.В. Виноградов, А.Н. Соколов и др.) было во многих отношениях предвосхищено в приписываемом Дж. Патнэму трактате «Искусство английской поэзии» (1589). Большинство декларированных в нем принципов получило отражение в «Эпиталаме» (1595) Э. Спенсера, для стиля характерно сочетание гетерогенных элементов, заимствованных из предшествующей эпиталамической традиции и арсенала таких искусств, как музыка, живопись и архитектура. В работах, опубликованных в последние десятилетия, живописность и музыкальность поэмы анализируется как проявление типичных характеристик авторского идиостиля в целом. Однако существует возможность исследовать особый стиль «Эпиталамы» как результат взаимодействия нарождающихся больших стилей эпохи, маньеризма и/или барокко и элементов, предвосхищающих неоклассицизм. Сложная маньеристическая/барочная структура «Эпиталамы» рассматривается как пронизанная нумерологическим символизмом, поддерживающим основную идею свадебной поэмы об идеальной гармонии супружеского союза, освященного святой церковью, а классицистические элементы стиля объясняются тем, что Спенсер выступил как последователь Сафо и Катулла. В заключительной части работы делается попытка оценить то, как эти особенности стиля «Эпиталамы» передаются в ее русских и китайском переводах.

Ключевые слова: стиль, барокко, маньеризм, классицизм, елизаветинская поэзия, Эдмунд Спенсер, «Эпиталама».

Информация об авторах:

Ирина Игоревна Булова — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 11, 199034 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: i.burova@spbu.ru

Цзычжу Чжан — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 11, 199034 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: hermitager1764@mail.ru

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

STYLISTIC ORIGINALITY OF SPENSER'S *EPITHALAMION* AND ITS REFLECTION IN RUSSIAN AND CHINEESE TRANSLATIONS

© 2017. I.I. Burova, Z. Zhang
*St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*
Received: November 16, 2016
Date of publication: June 25, 2017

Abstract: Contemporary notion of style as a set of rules that allows the author choose and combine the elements of content and form when producing a literary work (V.V. Vinogradov, A.N. Sokolov et al.) was in many respects prefigured in “The Arte of English Poesie” (1589) attributed to G. Puttenham, and most of the principles stated in it were mirrored in Edmund’s Spenser’s *Epithalamion* (1595). The style of the poem is remarkable for its combination of heterogeneous elements borrowed from both the earlier epithalamic tradition and the toolbox of such arts as music, painting, and architecture. A number of papers published in recent decades have revealed the picturesqueness and musicality of the poem seeing *Epithalamion* as a work bearing typical characteristics of the poet’s idiostyle. This paper suggests that there is a possibility to single it out from the rest of Spenser’s work and read it as a poem which peculiar style that results from the interplay of the emergent grand styles of the time such as Mannerism and/or Baroque, on the one hand, and the elements anticipating Neo-Classicism, on the other. The elaborate Mannerist/Baroque structure of *Epithalamion* is permeated with the number symbolism supporting the idea of the perfect harmony of the wedlock blessed by Holy Church in the bridal poem, while its Neo-Classical elements reveal Spenser as a successor of Sappho and Catullus. In the concluding part of the essay, we attempt to evaluate how these peculiarities of the *Epithalamion* style were rendered in Russian and Chinese translations of the poem.

Keywords: style, Baroque, Mannerism, Classicism, Elizabethan poetry, Edmund Spenser, *Epithalamion*.

Information about the authors:

Irina I. Burova, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 11, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: i.burova@spbu.ru

Zizhu Zhang, Postgraduate Student, St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 11, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: hermitager1764@mail.ru

Со времен Г. Вельфлина, понимавшего под стилем «то, что делает целостным совершенно различные, единичные проявления художественной деятельности» [8, с. 145], утверждалось представление о том, что каждая историко-культурная эпоха есть период доминирования одного стиля (стиль является «видимым знаком единства» культуры как целого [27, с. 387]). Однако современные исследователи отошли от этой концепции, видя в историческом художественном стиле объективное порождение эпохи, не связанное жестко с содержанием периодов развития искусства [12, с. 542], и отказываясь отождествлять понятия культурно-исторической эпохи и стиля [1, с. 8; 10, с. 9–10]. Если говорить о стилевых тенденциях Высокого Возрождения, то на первый план вышло представление о том, что маньеризм, классицизм и зарождающееся барокко (протобарокко) функционируют во взаимодействии, хотя одни исследователи считают указанные тенденции внеренессансными [1, с. 9; 2; 3; 16; 17], другие отождествляют маньеризм с протобарокко [43, с. 18], говорят о «перерождении» маньеризма в барокко [13, с. 46] или же, напротив, противопоставляют его и барокко [26, с. 23], и классицизму [19; 32]. Характеризуя классицизм как художественный стиль, исследователи отмечают важность ориентации ранних классицистов на «Поэтику» Аристотеля, вследствие чего «у части эстетиков платоновское представление о “божественном неистовстве” поэта <...> сменилось требованием строгой дисциплины, подчинения нормам, правилам, относящимся не только к форме произведения, но и к его содержанию», что, наряду с принципом обязательного подражания древним, составляло главные положения их доктрины» [14, с. 154].

Утверждение маньеризма и барокко, напротив, протекало в отсутствие соответствующих эстетических теорий. Время для маньеристических

поэтик наступило только в конце XVI в., когда Ф. Патрици выдвинул в качестве цели и содержания поэзии идеал «удивительного», подвергнув критике классицистические аристотелизм, поэтологическую нормативность и принцип подражания античным образцам [1, с. 271]. Трактаты по эстетике барокко (Б. Грасиан, Э. Тезауро) появились лишь в середине XVII в. При этом ни в XVII, ни в XVIII вв. классицизм не знал обобщенного имени своего антипода [18, с. 79].

Важный вклад в представления о маньеризме внес Ю.Б. Виппер, связывавший его с подчеркнутой идеализацией действительности, подчиненной заранее задуманной художественной «манере» [11, с. 168, 172]. Маньеризм часто рассматривается как выражение наиболее зрелой фазы художественного постижения гуманистического мифа о человеке-творце своей судьбы, актуализирующее понятия гений, художественная идея, творческая сила, власть художника над действительностью [21, с. 27].

К признакам раннего барокко относятся усложненная форма, деформированные образы, контрастное противопоставление и подчеркивание неразрывности связи духовного и материального. Основой всех искусств в теории барокко является метафора. Бароккисты превращают риторику в подобие гносеологии, воспринимая мир как «узор из сложных сравнений и сопоставлений, клубок неразгаданных связей» [13, с. 347]. Исследователи подчеркивают протейстичность барокко [45, с. 248], характеризуя его как «клубок противоречий» [29, с. 457]. При этом барокко не столько отрицало классицистические законы построения произведений, сколько отстаивало возможность существования неправильного искусства, не возводя отсутствие норм в абсолют [43, с. xvii].

Проблема стилей эпохи Возрождения наиболее разработана применительно к романским литературам, и любые попытки приложить имеющиеся теоретические наработки к анализу стилей литературы английского Высокого Возрождения с неизбежностью должны учитывать его специфику. Подражая римским классикам, итальянские авторы эпохи Ренессанса чувствовали себя их законными наследниками, тогда как выпестованные гуманистами елизаветинцы подражали не только античности, но и ее современным подражателям, что в свою очередь стимулировало интерес к более ранним английским авторам, подогреваемый националистическими умонастроениями эпохи. Наличие готического следа в елизаветинской

литературе, безусловно, должно рассматриваться как один из факторов, повышающих в ней роль маньеризма и/или раннего барокко.

В елизаветинской Англии стиль поэзии получил теоретическое осмысление в трактате «Искусство английской поэзии», приписываемом Дж. Патнэму, где стиль определялся как свойство речи, отражающее индивидуальность автора (*many timed his peculiar by election and arte*) и его «настрой» (*disposition of the writers minde*) [42, с. 123–124], а отличительной чертой поэта называлось умение соизмерять манеру изложения с содержанием произведения [42, с. 124] и заботиться о риторической красоте своего текста [42, с. 114–115], чтобы он доставлял слушателям и читателям наслаждение и развивал их ум [42, с. 119]. Отметим, что такая концепция во многом предвосхищает современное представление о стиле как о художественном законе построения произведения, проявляющемся в отборе и сочетании элементов [9, с. 86; 22, с. 34]. Понимая стиль как сплав элементов содержания и формы, Патнэм отмечал возможность его проявления и на уровне содержания, и на уровне архитектоники литературного произведения, относя к просодическим характеристикам текста как особенности его звучания, так и визуальные характеристики.

Написанная вскоре после публикации этого трактата «Эпиталама» (1595) Э. Спенсера представляет интерес как результат практического следования учения Патнэма о стиле, а также дает возможность увидеть, как в ней осуществляется взаимодействие стилистики античных эпиталам (Сафо, Катулл) со структурными особенностями итальянской канцоны, пиндарического парения — с бытописанием, торжественной эпидейктики — с шуткой. «Эпиталама» в целом отвечает представлениям об особенностях спенсеровского стиля, в том числе его музыкальности [5; 30, с. 214–236] и живописности [6; 28; 37]. Однако попытки отнести поэму к какому-либо одному большому стилю обречены на неудачу: подобно тому, как Б. Джонсон отмечал отличие языка Спенсера от всех известных [39, с. 757], четвереста лет спустя Д.С. Уилсон-Окамура предлагает говорить о стиле поэзии Спенсера как о среднем и эклектичном [48, с. 134].

Мы также рассматривали синтез разнородных элементов как определяющую черту творчества Спенсера, подчеркивая стилеобразующую функцию, которую в произведениях поэта выполняют их метафорические уподобления памятникам, музыке, живописи, играющие роль мыслитель-

ных инструментов, позволявших поэту адаптировать для нужд национальной поэзии приемы красоты, свойственные другим видам искусства. Идея их сочетания лежит в русле свойственных эпохе Возрождения поисков совершенного, универсального языка и продиктована той же потребностью, что и стремление сплавить воедино наследия различных культур [7, с. 318]. Твердое чувство жанра и поэтической формы, соблюдение требований декорума, любовь к симметрии и соразмерности характеризуют Спенсера как предтечу английского классицизма, тогда как соревновательный пафос его творчества, основанный на принципе новаторского переименования чужих приемов, мотивов и образов, тяготение к звукописи, характер употребляемых поэтом эпитетов указывают на маньеристическую окраску стиля поэта.

Дополнительную сложность в изучении стиля Спенсера представляет его очевидная эволюция. Если в «Пастушеском календаре» мы постоянно сталкиваемся со словотворчеством, псевдоархаизмами, возвращающими во времена Чосера, грамматической неупорядоченностью построения фраз, то в любовной лирике и элегиях 1590-х гг. ощущение архаичности текстов порождается не столько авторским намерением, сколько тем, что они написаны на ранненовоанглийском.

Поскольку в первом издании каждая строфа «Эпиталамы» была напечатана на отдельной странице, вплоть до 1960-х гг. поэма воспринималась «скорее как секвенция, чем органическое целое» [34, с. 189], и только благодаря работам А.К. Хайита [38], М.С. Рествиг [44, с. 43–51] и А. Фаулера [35] была, наконец, осмыслена как «первая английская длинная поэма, написанная по строго выверенному плану» [31, с. 83] и пронизанная нумерологическим символизмом, связанным с природными циклами и отражающим приверженность автора ренессансному принципу гармонии между человеком и природой. Однако мы хотим обратить внимание на еще один аспект этого символизма, призванный восславить брачный союз. Пифагорейская сила чисел, выражающих количество длинных (365) и коротких (68) стихов в поэме, равна 5, а сумма пифагорейских сил этих чисел, в свою очередь, равна пифагорейской силе числа стихов всей поэмы — 10. Итоговые числа являлись совершенными с точки зрения нумерологии. Десятка — число Бога, пятерка — «первое число, образованное из первичных чисел»,

четного/мужского начала (2) и нечетного/женского начала (3). Гендерные характеристики этих первичных чисел побуждали пифагорейцев называть 5 «супружеским числом», обладающим способностью «воспроизводить самое себя, а не нечто инородное» [20, с. 81]. Этот аспект числового символизма позволяет ассоциировать длинные стихи поэмы с мужским началом, а короткие — с женским, сочетание которых подчеркивает тему поэмы.

Подобную усложненность формы можно было бы интерпретировать как дань маньеризму с его любовью к технической виртуозности или барокко с характерным для него допущением «неправильного» искусства (длина в 433 стиха, неэквиметрические строфы), однако производимый «Эпиталамой» эффект гармонии между человеком и природой, духовным и плотским выводит ее за пределы этих стилей. Мир поэмы можно было бы представить в виде концентрических областей. В его центре находятся образы жениха-поэта и его невесты, вокруг них бурлит жизнь провинциального городка, за которым простираются поля и леса, вторящие праздничному шуму радостным эхом. Мир природы, в свою очередь, вписан в круг образов античности — богов, муз, граций. Здесь происходят смены дня и ночи, а также времен года. И над всеми этими областями доминируют христианские Небеса. Такая структура призвана подчеркнуть гармоничность заключенного брачного союза, ибо с античных времен круг служил символом совершенства и гармонии.

Эту же функцию несет элегантная композиционная симметрия поэмы [41, с. 117]. В геометрическом центре текста находятся строфы, отражающие самое значимое событие брачного дня — церковное венчание. Открывающему поэму обращению к музам, нимфам, часам и грациям соответствуют заключительные молитвы языческим богам и христианским Небесам, пробуждению невесты ранним утром — ее отход ко сну в конце поэмы, описание торжественного движения свадебной процессии к храму уравновешивается сценами свадебного пира. Четкость композиции, основанной на принципах симметрии и соразмерности, явно указывает на тяготение Спенсера к нарождающейся классицистической эстетике. Об этом же свидетельствует и проявившееся в «Эпиталаме» чувство жанра.

В английской традиции «Эпиталаме» Спенсера предшествовали две поэмы, написанные в русле восходящей к Феокриту младшей линии эпиталамической поэзии [49, с. 13–16]. Однако Спенсер выступил как после-

дователь старшей линии эпиталамической поэзии, прославленной Сафо и Катуллом. Сафо, опираясь на древнюю фольклорную традицию свадебных песнопений, определила основные жанровые признаки эпиталамы: свадебную тематику, обращенность стихотворения к настоящему, добрые пожелания молодым, наличие образа поэта — повествователя и распорядителя торжества, шутки, подчеркивающие индивидуальность воспеваемого события [46, с. 52]. Обязательные для жанра похвалы новобрачным позволяют рассматривать его в русле традиции эпидейктического красноречия, ибо, по Аристотелю, «для эпидейктического оратора наиболее важным представляется настоящее время, потому что всякий произносит похвалу или хулу по поводу чего-нибудь существующего» [4, с. 100].

Следуя римской практике культурной адаптации греческих образцов, Катулл первым отразил специфически римский ритуал свадебных торжеств в своем 61-м стихотворении, воспроизводящем миметически-драматический характер эпиталам Сафо [47, с. 200]. Центральным событием его эпиталамы является переход невесты в дом жениха (ст. 114–183), обрамленный статичными сценами: до начала свадебной процессии поэт, гости и зеваки толпятся у дверей дома невесты, появление которой дает импульс всеобщему движению, а в конце они останавливаются перед брачным покоем в доме жениха, куда вводят новобрачную. Таким образом, свадебная процессия превращается в метафору изменения ее социального статуса.

В эпоху Возрождения статус эпиталамы как жанра укрепился благодаря Ж.С. Скалигеру и Дж. Патнэму, рекомендовавшим поэтам ориентироваться на античные образцы. В эпиталамах допускалось описание как мифологических, так и реальных свадеб, а действия и ораторские ухищрения поэта-церемониймейстера должны были придавать событию исключительный, торжественный характер, помогая аудитории и самим новобрачным осознать счастье, которое сулит заключенный союз [36, с. 12–13]. При создании «Эпиталамы» Спенсер широко пользовался жанровой топикой — образами Гименея, граций и нимф, играющих роль подружек невесты, и др., традиционно славил красоту и невинность новобрачной, конвенционально сетовал на медлительность дневного светила, не спешащего уступить место сумеркам брачной ночи. «Классичность» «Эпиталамы» подчеркивается и восходящим к Вергилию образом вторящих песням лесов в рефренах, само наличие которых является аллюзией к эпиталаме Катулла, тем более

что в строфе VIII английский поэт почти точно цитирует заимствованное у него славословие Гименею: «*io Нупен Нупенае io*» (см. стихотворения 61 и 62). Однако с первых строк поэмы становится понятно, что лирическим героем «Эпиталамы», как и предшествующих ей сонетов, является сам поэт. Призывая на помощь муз, он просит помочь им воспеть *его* любимую (ст. 14–17). Отход от традиции подкрепляется сравнением поэта-жениха с Орфеем и приравниванием создания «Эпиталамы» к подвигу во имя любви.

Личный характер «Эпиталамы» обусловил искреннюю тональность произведения: в поэме нет места лести, поэт пользуется полной свободой, позволяя себе переходы к шутливо-ироничной, интимной, а порой и самодовольной интонациям, не свойственным эпидейктике. Даже конвенциональные обращения поэта к музам, нимфам и грациям воспринимаются как исключительные знаки внимания к невесте со стороны жениха, считающего свою избранницу достойной подруг, олицетворяющих женское совершенство. Личным характером поэмы продиктован и отказ от традиционных эпиталамических вольностей: когда дело доходит до удаления молодых в опочивальню, поэт деликатно переключает внимание читателя на украшающие брачные покои изображения купидонов. Этим же объясняется и то, что поэт молит Гения о ниспослании супругам не бурных плотских утех, но счастливого супружества, благословленного потомством. Спенсер изображает свою свадьбу как частное событие, имеющее обывательский, провинциальный колорит. Типично обывательская удовлетворенность ощущается в описании брачного чертога: у ложа есть шелковый полог, простыни на нем надушены, покрывала — привезены из самого Арраса (ст. 303–304).

Первая и заключительная строфы «Эпиталамы» содержат указания на то, что поэма задумывалась как памятник дню свадьбы поэта, «вечный монумент мгновению» (“for short time an endlesse moniment”, ст. 433). Спенсера очень привлекало контрастное противопоставление краткости дня вечности и слово “endlesse”, характеризующее узы, связавшие новобрачных, закономерно оказывается в «сильных» позициях текста: точно в середине центрального ст. 217 и в завершающем ст. 433. События праздничного дня строго привязаны к реальному бегу времени, но переданный в поэме субъективный характер его восприятия женихом позволяет говорить об открытии Спенсером принципов неравномерности течения художественного времени и его нетождественности физическому: в поэме есть динамичные строфы, опи-

сывающие несколько совершающихся практически одновременно событий (VIII, XII, XXIV и др.), а в некоторых строфах время почти останавливается (XVI). Такое чередование позволило поэту оттенить переходы в настроениях жениха, его ожидание, нетерпение, счастье и торжество.

При переводе «Эпиталамы» на русский и китайский языки своеобразие ее стиля наиболее точно воспроизводится на уровне формы. Исключение — в силу его неполноты — составляет перевод Н. Гербея, переложившего строфы V–VII и IX–XIII без учета их оригинальной структуры [23]. В двух полных переводах поэмы, выполненных С. Степановым (1999) [24, с. 325–355] и А. Лукьяновым (2011) [25, с. 108–139], тщательно соблюдены архитектурные параметры оригинала, сохраняющие нумерологический код произведения. При этом оба российских переводчика стремились подчеркнуть классические составляющие стиля поэмы.

Текст Степанова изобилует славянизмами, придающими ему оттенок архаичности вопреки тому, что в «Эпиталаме» очевидное по более ранним произведениям пристрастие Спенсера к архаической и псевдоархаической лексике почти не проявилось. Локальные вкрапления славянизмов («чело» (ст. 172), «ланиты», «уста» (ст. 173), «взор невеста долу клонит» (ст. 234), «Венеры чада» (ст. 364) и т. д.) порождают эффект искусственного состаривания переводного текста, что не только указывает на возраст оригинала, но и вызывает ассоциации с русской классицистической поэзией. Сходной стратегии придерживался и А. Лукьянов, хотя в целом язык его перевода более современен, а частотность употребления славянизмов ниже. Яркой чертой этого текста стала частая редукция окончаний, в том числе и в рифмуемых парах слов («благословенье» (ст. 224) — «цветенье» (ст. 226), «созданье» (ст. 168) — «очарованье» (ст. 170), «волненья» (ст. 335) — «сомненья» (ст. 337), «объятьям» (ст. 401) — «зачатьем» (ст. 404) и т. д.), что выглядит как относительный аналог элизий в глагольных окончаниях у Спенсера [joyfull'st (ст. 116), Garnish'd (ст. 187) astonish'd (ст. 189)]. Однако в оригинале этот прием используется реже, и значительно реже, чем в более ранних сочинениях Спенсера, из чего следует, что переводчик распространил на «Эпиталаму» представление о стиле Спенсера как некой константе, применимой ко всему его творчеству.

Первый китайский перевод «Эпиталамы» был опубликован в 1997 г. в сборнике избранных произведений Спенсера, подготовленном известным филологом Ху Цзялуанем [33]. Китайские читатели были менее подготовлены к восприятию «Эпиталамы»: если российский читатель сразу понимает, что как поэт-эпиталамист Спенсер является наследником традиции, то китайский читатель сначала познакомился с «Эпиталамой» и лишь в 2008 г. — с эпиталамами Катулла. Соответственно, процесс осмысления жанровых конвенций эпиталамической поэзии шел в Китае в противоположном направлении, от Спенсера к Катуллу, а не наоборот. Дополнительную трудность для китайского читателя создают и многочисленные упоминания Спенсером персонажей античной мифологии. Эта особенность «Эпиталамы» не представляет затруднений для россиян, для которых античное наследие является неотъемлемой составляющей европейской культуры, интегрированной в отечественную. Для китайского читателя подобные аллюзии не столько являются маркером принадлежности текста к классицизму, сколько указывают на инокультурную принадлежность оригинала. Ху транслитерирует упоминаемые в поэме имена мифологических персонажей, но при этом представляет информацию о них в комментариях к тексту.

У Ху была возможность придать своему переводу оттенок архаики за счет использования языка вэньянь, господствовавшего в художественной литературе эпохи династии Мин (1368–1644): такую стратегию подсказывало само время создания «Эпиталамы». Однако с начала XX в. в Китае возобладали традиция перевода произведений зарубежной литературы на современный китайский язык байхуа вне зависимости от временной принадлежности переводимого текста, и при переводе «Эпиталамы» Ху остался верен этому принципу, что облегчает восприятие поэмы нашим современникам.

Ху постарался как можно точнее передать содержание поэмы, воспроизвести симметричность ее композиции. Присущие поэме барочные черты, выраженные в архитектонике и пронизывающем «Эпиталаму» числом символизме, в основном нашли адекватное выражение и в китайском переводе. Ху также обратил внимание на характерные для идиостиля Спенсера «готические» аллитерации, однако использовал этот прием в произвольных местах.

Исследование переводов «Эпиталамы» показало, что, ощущая специфику стиля поэмы, переводчики тяготеют к передаче наиболее типичных

черт стиля поэзии Спенсера в целом, стремясь сопоставить их с явлениями, существовавшими в истории национальных литератур и интерпретируемы-ми в рамках «больших» стилей.

Список литературы

- 1 *Андреев М.Л., Хлодовский Р.И.* Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения / отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: Наука, 1988. 295 с.
- 2 *Аникст А.А.* Концепция маньеризма в искусствоведении XX века // Советское искусствоведение-76. М.: Сов. художник, 1977. Вып. 2. С. 225–248.
- 3 *Аникст А.А.* Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы // Ренессанс, барокко, классицизм. Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV–XVII вв. / ред. Б.Р. Виппер. М.: Наука, 1966. С. 178–244.
- 4 *Аристотель.* Риторика // Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.
- 5 *Бурова И.И.* Музыка в поэзии Эдмунда Спенсера // Границы литературы в гуманитарном пространстве (Зарубежная литература. Проблемы метода). СПб.: СПбГУ, 2011. Вып. 7. С. 37–45.
- 6 *Бурова И.И.* О живописности стиля поэзии Э. Спенсера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 19–24.
- 7 *Бурова И.И.* Экспериментальная поэзия Эдмунда Спенсера. СПб.: Комильфо, 2009. 335 с.
- 8 *Вельфлин Г.* Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М.; Л.: Academia, 1930. 290 с.
- 9 *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
- 10 *Виппер Б.Р.* Введение // Ренессанс. Барокко. Классицизм. Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV–XVII вв. / ред. Виппер Б.Р. М.: Наука, 1966. С. 5–46.
- 11 *Виппер Ю.Б.* Поэзия Пляды. Становление литературной школы. М.: Наука, 1976. 432 с.
- 12 *Власов В.Г.* Стили в искусстве: в 2 т. СПб.: Кольна, 1995. Т. 1. 672 с.
- 13 *Голенищев-Кутузов И.Н.* Романские литературы. Статьи и исследования. М.: Наука, 1975. 531 с.
- 14 *Елина Н.Г.* Торквато Тассо, закат Возрождения, возникновение маньеризма, тенденций классицизма и зарождение барокко в Италии // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 154–161.
- 15 *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян / сост., общ. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1996. 975 с.
- 16 *Морозов А.А.* «Маньеризм» и «барокко» как термины литературоведения // Русская литература. 1966. № 3. С. 28–44.

- 17 Морозов А.А. Проблемы европейского барокко // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 111–126.
- 18 Надъярных М. Изобретение традиции, или Метаморфозы барокко и классицизма // Вопросы литературы. 1999. № 4. С. 77–109.
- 19 Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М.: Искусство, 1998. 362 с.
- 20 Плутарх Херонейский. Об «Е» в Дельфах // Плутарх Херонейский. Исида и Осирис. Киев: УЦИММ-Пресс, 1996. С. 71–96.
- 21 Потемкина Л.Я. Маньеризм и барокко: преемственность и размежевание // От барокко до постмодернизма. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1997. С. 24–29.
- 22 Соколов А.Н. Теория стиля. М.: Искусство, 1968. 223 с.
- 23 Спенсер Э. Из поэмы “Epithalamium” / пер. Н.В. Гербеля // Английские поэты в биографиях и образцах / сост. Н.В. Гербель. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1875. С. 22–23.
- 24 Спенсер Э. Эпиталама / пер. С. Степанова // Спенсер Э. Amoretti и Эпиталама / сост. И.И. Бурова. СПб.: Мир и семья–95; Интерлайн, 1999. С. 325–355.
- 25 Спенсер Э. Epithalamion / пер. А. Лукьянова // Спенсер Э. Сонеты, песни, гимны о любви и красоте. М.: Русская панорама, 2011. С. 108–139.
- 26 Устинова И.В. Поэзия Гонгоры и испанская литература XVII в. Культуранизм и концептизм в философско-теологической и культурной традиции Испании. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. 304 с.
- 27 Шапиро М. Стиль // Советское искусствознание. 1988. Вып. 24. С. 387–422.
- 28 Bender J. Spenser and Literary Pictorialism. Princeton: Princeton Univ. Press, 1972. 232 p.
- 29 Blume Fr. Der Literarische Barockbegriff / Hrsg. von W. Barner. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975. 597 S.
- 30 Bontoux G. La Chanson en Angleterre au temps d’Elisabeth. Oxford: Oxford Univ. Press, 1936. 698 p.
- 31 Clemen W. The Uniqueness of Spenser’s ‘Epthalamion’ // The Poetic Tradition: Essays on Greek, Latin and English Poetry / Ed. D.C. Allen, H.T. Rowell. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press, 1968. P. 81–98.
- 32 Curtius E.R. La littérature Européenne et le Moyen Age Latin. Paris: Presses Universitaires de France, 1956. 738 p.
- 33 Edmund Spenser: Selected Poems. Trans. into Chinese by Hu Jialuan. Peking: Lijiang Publishing House, 1997. 284 p.
- 34 Erskine J. The Elizabethan Lyric: A Study. New York: Columbia Univ. Press, 1903. 346 p.
- 35 Fowler A. Spenser and the Numbers of Time. London: Routledge & Kegan Publ., 1964. 314 p.

- 36 *Gaertner Ad.* Die englische Epithalamienliteratur in siebzehnten Jahrhundert und ihre Vorbilder. Coburg: Rossteutscher, 1936. 216 S.
- 37 *Gottfried R.* The Pictorial Element in Spenser // *English Literary History*. 1952. No 19. P. 203–215.
- 38 *Hieatt A.K.* Short Time's Endless Monument: The Symbolism of the Numbers in Edmund Spenser's «Epithalamion». New York: Columbia Univ. Press, 1960. 118 p.
- 39 *Jonson B.* The Works of Ben Jonson. London: Edward Moxon, 1838. 819 p.
- 40 *Klaniczay T.* La Crise de la Renaissance et le Maniérisme // *Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1971. Vol. 13. P. 269–314.
- 41 *Nelson W.* The Poetry of Edmund Spenser: A Study. New York: Columbia Univ. Press, 1963. 350 p.
- 42 *Puttenham G.* The Arte of English Poesie. Menston: Scholar Press, 1968. 258 p.
- 43 *Raymond M.* La Poésie Française et le Maniérisme. Genève: Droz; Minard, 1971. 272 p.
- 44 *Røstvig M.S.* The Hidden Sense: Milton and the Neoplatonic Method of Numerical Composition // *Røstvig M.S. et al. The Hidden Sense. And Other Essays*. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. P. 1–112.
- 45 *Rousset J.* L'Intérieur et l'Extérieur. Essais sur la Poésie et sur le Théâtre au XVIIe siècle. Paris: José Corti, 1968. 272 p.
- 46 *Sappho.* Poems and Fragments / Ed. and Transl. C.R. Haines. London: Routledge, 1926. 304 p.
- 47 *Wheeler A.L.* Catullus and the Traditions of Ancient Poetry. Berkeley: University of California Press, 1934. 291 p.
- 48 *Wilson-Okamura D.S.* Spenser's International Style. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. 235 p.
- 49 *Wohrman K.* Die englische Epithalamiendichtung der Renaissance und ihre Vorbilder. Borna-Leipzig: Universitätsverlag von Robert Noske, 1928. 49 S.

References

- 1 Andreev M.L., Hlodovskij R.I. *Ital'janskaja literatura zrelogo i pozdnego Vozrozhdenija* [Italian literature of mid and late Renaissance], ed. A.D. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988. 295 p. (In Russ.)
- 2 Anikst A.A. Koncepcija man'erizma v iskusstvoznanii 20 veka [The concept of mannerism in the 20th-century art studies]. *Sovetskoe iskusstvoznanie-76*. Moscow, Sovetskij hudozhnik Publ., 1977, issue 2, pp. 225–248. (In Russ.)
- 3 Anikst A.A. Renessans, man'erizm i barokko v literature i teatre Zapadnoj Evropy [Renaissance, Mannerism and Baroque in the literature and theatre of Western Europe]. *Renessans, barokko, klasicizm. Problema stilej v zapadnoevropejskom iskusstve XV–XVII vv.* [Renaissance, Baroque, Classicism. The problem of styles in Western European art of the 15th–17th Centuries], ed. by B.R. Vipper. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 178–244. (In Russ.)
- 4 Aristotel'. Ritorika [Rhetoric]. *Aristotel'. Pojetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 348 p. (In Russ.)
- 5 Burova I.I. Muzyka v poezii Jedmunda Spensera [Music in Edmund Spenser's poetry]. *Granicy literatury v gumanitarnom prostranstve (Zarubezhnaja literatura. Problemy metoda)* [The boundaries of literature in the humanitarian space (Foreign literature. Problems of method)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011, issue 7, pp. 37–45. (In Russ.)
- 6 Burova I.I. O zhivopisnosti stilja poezii Je. Spensera [On the pictorial style of Edmund Spenser's poetry]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Series 9, 2010, no 3, pp. 19–24. (In Russ.)
- 7 Burova I.I. *Jeksperimental'naja poezija Jedmunda Spensera* [Edmund Spenser's experimental poetry]. St. Petersburg, Komil'fo Publ., 2009. 335 p. (In Russ.)
- 8 Vel'flin G. *Osnovnye ponjatija istorii iskusstv. Problema jevoljucii stilja v novom iskusstve* [Principles of art history: the problem of the development of style in early modern art]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930. 290 p. (In Russ.)
- 9 Vinogradov V.V. *O jazyke hudozhestvennoj literatury* [On the language of fiction]. Moscow, Goslitzdat Publ., 1959. 655 p. (In Russ.)
- 10 Vipper B.R. Vvedenie [Introduction]. *Renessans. Barokko. Klasicizm. Problema stilej v zapadnoevropejskom iskusstve XV–XVII vv.* [Renaissance. Baroque. Classicism. The problem of styles in the Western European art of the 15th–17th Centuries], ed. by V.R. Vipper. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 5–46. (In Russ.)
- 11 Vipper Ju.B. *Poezija Plejady. Stanovlenie literaturnoj shkoły.* [La Pléiade Poetry. The making of a literary school]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 432 p. (In Russ.)
- 12 Vlasov V.G. *Stili v iskusstve: v 2 t.* [Styles in art: in 2 vol.]. St. Petersburg, Kol'na Publ., 1995. Vol. I. 672 p. (In Russ.)
- 13 Golenichsev-Kutuzov I.N. *Romanskije literatury. Stat'i i issledovanija* [Romanesque literatures. Papers and researches]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 531 p. (In Russ.)

- 14 Elina N.G. Torkvato Tasso, zakat Vozrozhdenija, vznikovenie man'erizma, tendencij klassicizma i zarozhdenie barokko v Italii [Torquato Tasso, the sunset of the Renaissance, emergence of Mannerism, Classic tendencies and the dawn of Baroque in Italy]. *Istorija vseмирnoj literatury: v 9 t.* [History of the world's literature: in 9 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vol. 3, pp. 154–161. (In Russ.)
- 15 Losev A.F. *Mifologija grekov i rimljan* [Greek and Roman mythology], ed. A.A. Taho-Godi. Moscow, Mysl' Publ., 1996. 975 p. (In Russ.)
- 16 Morozov A.A. "Man'erizm" i "barokko" kak terminy literaturovedenija ["Mannerism" and "Baroque" as literary terms]. *Russkaja literatura*, 1966, no 3, pp. 28–44. (In Russ.)
- 17 Morozov A.A. Problemy evropejskogo barokko [Problems of European Baroque]. *Voprosy literatury*, 1968, no 12, pp. 111–126. (In Russ.)
- 18 Nad'jarnyh M. Izobretenie tradicii, ili Metamorfozy barokko i klassicizma [Invention of tradition, or Metamorphoses of Baroque and Classicism]. *Voprosy literatury*, 1999, no 4, pp. 77–109. (In Russ.)
- 19 Panofskij Je. *Renessans i "renessansy" v iskusstve Zapada* [Renaissance and "renaissances" in the Western art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1998. 362 p. (In Russ.)
- 20 Plutarh Heronejskij. Ob "E" v Del'fah [On the "E" in Delphi]. *Plutarh Heronejskij. Isida i Osiris* [Isis and Osiris]. Kiev, UCIMM-Press Publ., 1996, pp. 71–96. (In Russ.)
- 21 Potemkina L.Ja. Man'erizm i barokko: preemstvennost' i razmezhevanie [Mannerism and Baroque: continuity and demarkation]. *Ot barokko do postmodernizma* [From Baroque to Postmodernism]. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovskij gos. un-t Publ., 1997, pp. 24–29. (In Russ.)
- 22 Sokolov A.N. *Teorija stilja* [Theory of style]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. 223 p. (In Russ.)
- 23 Spenser Je. Iz pojemy "Epithalamium" [From the poem *Epithalamion*]. *Anglijskie pojety v biografijah i obrazcah* [English poets in biographies and specimina], comp. by N.V. Gerbel. St. Petersburg, tip. A.M. Kotomina Publ., 1875, pp. 22–23. (In Russ.)
- 24 Spenser Je. Jepitalama [Epithalamion], trans. by S. Stepanov. *Spenser Je. Amoretti i Jepitalama* [Amoretti and Epithalamion], comp. by I.I. Burova. St. Petersburg, Mir i sem'ja-95 Publ.; Interlajn Publ., 1999. 320 p. (In Russ.)
- 25 Spenser Je. Epithalamion [Epithalamion], trans. by A. Lukjanov. *Spenser Je. Sonety, pesni, gimny o ljubvi i krasote* [Sonnets, songs, hymns on love and beauty]. Moscow, Russkaja panorama Publ., 2011, pp. 108–139. (In Russ.)
- 26 Ustinova I.V. *Pojezija Gongory i ispanskaja literatura XVII v. Kul'terанизм и концептизм в философско-теологической и культурной традиции Испании* [The Poetry of Gongora and the 17th-century Spanish Literature. Culteranismo and conceptismo in philosophico-theological tradition of Spain]. Moscow, Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)

- 27 Shapiro M. Stil' [Style]. *Sovetskoe iskusstvoznanie*, 1988, no 24, pp. 387–422. (In Russ.)
- 28 Bender J. *Spenser and Literary Pictorialism*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1972. 232 p. (In English)
- 29 Blume Fr. *Der Literarische Barockbegriff*, Hrsg. von W. Barner. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975. 597 S. (In German)
- 30 Bontoux G. *La Chanson en Angleterre au temps d'Elisabeth*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1936. 698 p. (In French)
- 31 Clemen W. The Uniqueness of Spenser's "Ephalamion". *The Poetic Tradition: Essays on Greek, Latin and English Poetry*, ed. by D.C. Allen, H.T. Rowell. Baltimore, The Johns Hopkins Univ. Press, 1968, pp. 81–98. (In English)
- 32 Curtius E.R. *La littérature Européenne et le Moyen Age Latin*. Paris, Presses Universitaires de France, 1956. 738 p. (In French)
- 33 *Edmund Spenser: Selected Poems*, trans. by Hu Jialuan. Peking, Lijiang Publishing House, 1997. 284 p. (In Chinese)
- 34 Erskine J. *The Elizabethan Lyric: A Study*. New York, Columbia Univ. Press, 1903. 346 p. (In English)
- 35 Fowler A. *Spenser and the Numbers of Time*. London, Routledge & Kegan Publ., 1964. 314 p. (In English)
- 36 Gaertner Ad. *Die englische Epithalamienliteratur in siebzehnten Jahrhundert und ihre Vorbilder*. Coburg, Rossteutscher, 1936. 216 S. (In German)
- 37 Gottfried R. The Pictorial Element in Spenser. *English Literary History*, 1952, no 19, pp. 203–215. (In English)
- 38 Hieatt A.K. *Short Time's Endless Monument: The Symbolism of the Numbers in Edmund Spenser's "Epithalamion"*. New York, Columbia Univ. Press, 1960. 118 p. (In English)
- 39 Jonson B. *The Works of Ben Jonson*. London, Edward Moxon, 1838. 819 p. (In English)
- 40 Klaniczay T. La Crise de la Renaissance et le Maniérisme. *Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1971, vol. 13, pp. 269–314. (In French)
- 41 Nelson W. *The Poetry of Edmund Spenser: A Study*. New York, Columbia Univ. Press, 1963. 350 p. (In English)
- 42 Puttenham G. *The Arte of English Poesie*. Menston, Scholar Press, 1968. 258 p. (In English)
- 43 Raymond M. *La Poésie Française et le Maniérisme*. Genève, Droz; Minard, 1971. 272 p. (In French)
- 44 Røstvig M.S. The Hidden Sense: Milton and the Neoplatonic Method of Numerical Composition. *Røstvig M.S. et al. The Hidden Sense. And Other Essays*. Oslo, Universitetsforlaget, 1963, pp. 1–112. (In English)
- 45 Rousset J. *L'Intérieur et l'Extérieur. Essais sur la Poésie et sur le Théâtre au XVIIe siècle*. Paris, José Corti, 1968. 272 p. (In French)
- 46 Sappho. *Poems and Fragments*, ed., transl. by C.R. Haines. London, Routledge, 1926. 304 p. (In English)

- 47 Wheeler A.L. *Catullus and the Traditions of Ancient Poetry*. Berkeley, University of California Press, 1934. 291 p. (In English)
- 48 Wilson-Okamura D.S. *Spenser's International Style*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2013. 235 p. (In English)
- 49 Wöhrman K. *Die englische Epithalamiendichtung der Renaissance und ihre Vorbilder*. Borna-Leipzig, Universitätsverlag von Robert Noske, 1928. 49 S. (In German)